

Дин Цзыму без колебаний опустился на соседний диванный мат, и оба, вытянув ноги, устроились с комфортом.

— Рассказывай, с чего ты взял, что у тебя проблемы с психикой? — спросил Ян Имин.

Дин Цзыму словно обухом по голове ударило этим прямолинейным, лишенным всяких ухищрений вопросом. Однако на душе внезапно стало спокойнее. И правда, с чего бы?

Дин Цзыму откинулся назад, упершись руками в пол, и посмотрел в окно. Там рос старый вяз, возраст которого никто не мог назвать. С того самого дня, как он попал в приют, дерево стояло таким же густым, укрывая всё вокруг тенью. В июне оно покрывалось белыми цветами, чей аромат кружил голову. Сейчас цветы уже опали, и только огромная изумрудная крона заслоняла собой окно. Дин Цзыму молча смотрел на эту зелень. Он не знал, с чего начать, не знал, как объяснить всё это психологу. В сущности, всю жизнь он привык слушать, а не изливать душу.

В детстве, чтобы хоть как-то облегчить себе жизнь, он беспрекословно слушался мать. Позже, оказавшись в приюте, слушался воспитателей. Когда пошел в школу, а потом на работу, он продолжал подчиняться всем вокруг, лишь бы угодить. Когда хозяйка квартиры заявила о повышении арендной платы, он даже не помнил, чтобы соглашался, но всё равно послушно кивнул.

Теперь же учитель Ян просил его говорить, но у Дин Цзыму в голове теснились тысячи мыслей и слов, и он не знал, как подступить к ним.

Ян Имин не торопил. Он слегка прищурился, лениво прислонившись к стене, и подставил ноги под солнечные лучи. Минуты тянулись, глаза Яна закрывались всё плотнее — казалось, он вот-вот уснет. Дин Цзыму в мягком солнечном свете украдкой взглянул на него, и на душе у самого стало на удивление тихо.

Но на самом деле Ян Имин ужасно нервничал. Он знал, что Дин Цзыму ему не доверяет. Доверие между людьми всегда требует условий, а между ними их не было. Единственное, что он мог — это постараться смягчить состояние парня, дать ему почувствовать, что он действительно хочет помочь, а не выведывает его тайны. Он хотел, чтобы Дин Цзыму чувствовал себя в безопасности, а не под давлением.

Он не подсказывал и не расспрашивал, просто продолжал лениво опираться о стену, хотя по спине уже катился холодный пот.

— Учитель Ян, — тихо произнес Дин Цзыму, — что это за болезнь такая — шизофрения?

— Шизофрения? — Ян Имин открыл глаза и окинул его внимательным взглядом. — С чего ты взял?

— Я... — Дин Цзыму сжал зубы, — я теряю память. Иногда люди говорят, что я что-то делал, а у меня об этом ни малейшего воспоминания. К тому же, в последнее время у меня начались зрительные галлюцинации.

— Тогда это не шизофрения, — спокойно ответил Ян Имин. — Это как с пьяными: они никогда не признаются, что напились. А больные шизофренией никогда не скажут, что у них галлюцинации — они будут твердо уверены, что видели всё на самом деле.

— Но ведь я тоже действительно видел.

— Однако твой разум подсказывает тебе, что это галлюцинация, а не реальность, значит, это не шизофрения. — Ян Имин увидел, как сжатые кулаки Дин Цзыму начали разжиматься, а побелевшие костяшки пальцев постепенно обрели прежний цвет. — О чем именно тебе рассказывали другие, чего ты совсем не помнишь?

— Ну, когда я работал в кондитерской, хозяин говорил, что я подрался с клиентом, но я этого не помню. А однажды мне сказали, что маленькая девочка потеряла маму и плакала у входа. Я якобы дал ей кусок торта, заманил в магазин, напоил молоком и играл с ней. Коллеги вечно подшучивали, что из меня вышел бы отличный воспитатель детского сада, но я об этом не помню ни слова.

Ян Имин неопределенно кивнул, сохраняя невозмутимое выражение лица. Дин Цзыму, казалось, почерпнул уверенности в этом простом жесте. Он помедлил и продолжил:

— Я работал в кондитерских, и меня уволили из трех мест подряд из-за драк. Я... мне кажется, я больше никогда не смогу найти стабильную работу. Думаю... может, у меня всё-таки шизофрения?

— У тебя могут быть провалы в памяти, но это точно не шизофрения, — уверенно заявил Ян Имин. — Основные симптомы шизофрении — это обширные нарушения мышления, восприятия, эмоций и поведения. Проще говоря, во время приступа человек ведет себя странно, несет бред, теряет рассудок, становится невменяемым. В таком состоянии он вряд ли смог бы успокоить ребенка — скорее, до смерти напугал бы его.

— Еще... хозяйка квартиры сказала, что я согласился на повышение аренды, но я и этого не помню, — добавил Дин Цзыму.

— Ну, это как раз типичный симптом шизофрении — согласиться на такое безумное повышение платы, — усмехнулся Ян Имин.

Дин Цзыму невольно рассмеялся.

— Дин Цзыму, — Ян Имин повернул голову к нему, — потеря памяти не обязательно означает

шизофрению. Я вот сейчас не могу вспомнить, что ел на обед. Похож я на больного?

— Но когда я теряю память, я совершаю поступки, в которые сам не верю. Например, хозяин говорит, что я дрался, причем очень жестоко, так, что он даже вызвал полицию. — Дин Цзыму заговорил быстрее, заметно нервничая. — Но я с самого детства даже не то что драться — я и ругаться-то не умею.

— Это еще не показатель, — возразил Ян Имин. — Ссориться — занятие, требующее больших умственных усилий. Умные люди умеют спорить, а глупые — только браниться или терпеть оскорбления. Смотри, спор требует молниеносной реакции для защиты и нападения, сильных навыков построения речи и мощной логики. Я всегда считал, что люди, умеющие спорить, очень умны.

Дин Цзыму опешил от такой необычной теории и замер, слушая дальше.

— А вот драка — другое дело. Драка — это проверка физической силы и выносливости, максимум — скорости реакции. В этом мире нет людей, которые не умеют драться, есть только те, кто сдерживает импульс ударить. Возможно, ты привык быть вежливым и всегда подавляешь свою агрессивную сторону. Но когда ты в ярости, разум на мгновение отключается, эмоции берут верх, и тогда скрытые внутри тебя элементы насилия вырываются наружу. В этом нет ничего удивительного.

— Но ведь не должно быть так, чтобы после этого не оставалось ни единого воспоминания?

Ян Имин насторожился. Он вспомнил ту страшную драку у парка аттракционов в прошлом месяце. Поразмыслив, он решил не поднимать эту тему: Дин Цзыму только-только успокоился, не стоит снова загонять его в страх. В конце концов, всё было именно так: он подрался и забыл, точно так же, как в кондитерской.

Ян Имин обошел этот вопрос и спросил:

— Директор сказал мне, что учитель Фэн собирается отвести тебя к врачу. К какому специалисту? Что сказали врачи?

— Невролог, — ответил Дин Цзыму. — Мы проверялись на эпилепсию, сделали ПЭТ, ЭЭГ, КТ мозга, МРТ — в общем, кучу всего, но так ничего и не нашли. Несколько результатов еще не готовы, я жду.

— Это еще ни о чем не говорит. При эпилепсии лабораторные анализы важны, но диагноз чаще ставится на основе клинических симптомов. Если удастся попасть к врачу прямо во время приступа, результат будет точным. На самом деле, большинство симптомов, о которых ты говорил, так или иначе встречаются у эпилептиков.

Дин Цзыму окончательно разжал кулаки, положил ладони на колени и спросил:

— Эпилепсия ведь лечится, правда?

— Восемьдесят пять процентов случаев излечимы, девяносто пять — контролируемы.

Лицо Дин Цзыму просияло.

Ян Имин с легкой улыбкой добавил:

— А еще атрофия мозга может вызывать кратковременную потерю памяти и странное поведение.

— Атрофия мозга? — Дин Цзыму снова напрягся. — Это что такое?

— Ну, например, старческое слабоумие, — Ян Имин похлопал его по затылку. — Ранняя деменция.

От этого хлопка Дин Цзыму словно очнулся. На его лице снова появилась мягкая улыбка, а глаза засияли. Ян Имин улыбнулся, снова закрыл глаза и откинулся на стену:

— Дин Цзыму, не бойся, ничего страшного.

Глядя на расслабленного и безмятежного Яна Имина, Дин Цзыму поверил: действительно, бояться нечего.

Что происходило дальше, Дин Цзыму так и не смог вспомнить, потому что в тепле солнечных лучей, под убаюкивающий голос Яна Имина он незаметно уснул. Сон был глубоким. Дин Цзыму, который даже дома на кровати редко спал крепко, сейчас сидел на полу, прислонившись к стене в неудобной позе, и спал без задних ног. Когда он проснулся, уже начало смеркаться. Окно было приоткрыто, по комнате гулял прохладный ветер, а сам он был укрыт легкой курткой Яна Имина.

Ян Имин уже ушел.

Дин Цзыму взял куртку, бережно встряхнул её и повесил в шкаф. Там уже висели две другие вещи, спортивный костюм и кроссовки — вещей было немного, но было ясно, что он намерен задержаться в приюте надолго. Глядя на эту одежду, Дин Цзыму почувствовал тепло и какое-то особенное спокойствие.

Он закрыл шкаф, повернулся к выходу и сразу заметил на двери листок, исписанный изящным почерком.

Студенту Дин Цзыму:

Вы грубо нарушили правила учебного заведения, уснув на уроке психологии. Вы не слушали лекцию, серьезно нарушили дисциплину, помешали учителю и сорвали ход занятия, что повлекло за собой крайне негативные последствия. Это свидетельствует о вашем давнем неумении организовать себя и несоблюдении режима дня. Самое серьезное — ваше пренебрежение правилами урока является проявлением неуважения к преподавателю.

Приняв всё во внимание, я решил объявить Дин Цзыму устный выговор. Надеюсь, в будущем вы будете следить за собой, исправите недостатки и добьетесь больших успехов.

Дин Цзыму долго смеялся, глядя на этот листок. Он достал телефон и слово в слово перепечатал это уведомление о дисциплинарном взыскании, заменив все вы на я, удалив первую фразу последнего абзаца, заменив надежду на требование, и добавил заголовок Объяснительная записка.

Получив сообщение, Ян Имин усмехнулся. Не успел он ответить, как пришло новое, полное радости:

Чтобы доказать искренность своего раскаяния и исправить плохое впечатление, которое я произвел на учителя, прошу разрешения приготовить для вас торт Черный лес. Жду одобрения.

Ян Имин широко улыбнулся и напечатал: Разрешаю.

Торт от придворного повара Дин Цзыму приготовить не успел — наступили праздники по случаю Дня образования КНР. В такие долгие выходные в парке аттракционов было особенно много работы, и график Дин Цзыму оказался забит до отказа. Узнав об этом, Ян Имин постеснялся докучать ему просьбами о торте, и дело отложили.

Подумав, что в праздники всё равно делать нечего, Ян Имин решил закончить начатое. Он приехал в приют, целый день провел в игровой комнате с рулеткой, делая замеры, а потом начал бегать по мебельным магазинам. Директор выделил ему всего пятнадцать тысяч, и этих денег едва хватало. Ян Имин, используя навыки домоседа, засел в интернете, обшарил все электронные площадки и, собрав всё по крупицам, наконец купил необходимое.

Ближе к концу праздников Ян Имин получил звонок из приюта. Вахтер, с трудом разыскав его номер, жаловался, что в его камере скоро негде будет ступить из-за посылок. Ян Имин,

извиняясь, пообещал всё забрать. В последний день каникул он натянул старую одежду и помчался в приют, готовый к тяжелой работе.

В этот день прошел первый осенний дождь — слабый, но холодный.

Приехав, Ян Имин с удивлением обнаружил, что каморка вахтера почти пуста. Старик, отложив телефон, в котором он только что азартно играл в карты, сказал:

— Муму приходил вчера вечером, помог перенести часть вещей, а сегодня с самого утра перетаскал остальное. У меня тут почти ничего не осталось. Если пойдете наверх, учитель Ян, прихватите заодно эти две коробки.

Ян Имин поблагодарил и, подхватив две небольшие коробки, поднялся на пятый этаж.

Все окна в игровой комнате были распахнуты, в помещении стояла прохлада и влажность. Дин Цзыму в джинсах и футболке пытался задвинуть в угол большую коробку. Видимо, он возился уже давно, так как вспотел, и тонкая ткань одежды прилипла к спине, подчеркивая красивые линии плеч. Ян Имин, прислонившись к дверному косяку, наблюдал за ним. Парень казался худым, но, как оказалось, был довольно крепким — напряженные мышцы под футболкой выглядели твердыми. Да, настоящий боец.

Ян Имин внезапно пожалел, что не посмотрел на ту драку у парка аттракционов повнимательнее — наверняка было на что глянуть. Дин Цзыму, не подозревая о взгляде за спиной, наклонился, чтобы поднять квадратную коробку, и при этом красиво изогнул поясницу — плавно и изящно. Ян Имин невольно засмотрелся на его талию, это было поистине приятное зрелище.

— Дин Цзыму, — негромко позвал он после долгого молчания. — А где мой торт?

Дин Цзыму вздрогнул, обернулся, на его лице отразилась растерянность, но, увидев Яна Имина, он снова одарил его красивой улыбкой:

— А, учитель Ян, вы пришли! Торт — это дело пары минут. Давайте я лучше помогу вам, искуплю вину делом, а?

— Идет, — Ян Имин вошел в комнату, поставил коробки и спросил: — Разве сейчас не самый разгар работы в парке? Почему ты сегодня не на смене?

— Давайте сюда коробки, — Дин Цзыму подошел, забрал их и направился в другую сторону комнаты. — Учитель Ян, посмотрите, куда лучше поставить эти вещи. Кажется, в этой коробке низкий шкафчик, я хотел собрать, но решил дожидаться вас.

Ян Имин замер, в душе зародилось сомнение. Он, конечно, заметил, что Дин Цзыму намеренно

уклонился от ответа. Вопрос о работе был пустяковым, но такая настойчивая уклончивость выглядела подозрительно.

— Разбериай, — небрежно бросил Ян Имин. — Поможешь мне собрать шкафы, я в этом совсем не мастак.

Дин Цзыму обрадовался и принялся за дело. Вскоре пустая игровая комната оказалась завалена деталями.

— Сегодня мы тут упадем от усталости, — оглядевшись, вздохнул Ян Имин. — Надо бы найти помощников.

— Несколько ребят хотели прийти, но я подумал — тут повсюду дерево, железки, вдруг поранятся? Да и толку от них всё равно мало, — Дин Цзыму похлопал себя по груди. — Доверьтесь мне, я всё сделаю.

Ян Имин скептически окинул его взглядом:

— Посмотрим, как ты справишься.

И Дин Цзыму, главный кондитер и чернорабочий в одном лице, принялся за работу с таким азартом, что заразил и Яна Имина. Они провозились полдня, собрав наконец всю крупную мебель. Остались лишь мелочи. Пока они работали, то и дело прибегали дети: Муму-гэгэ, а что делает учитель Ян? Муму-гэгэ, мы сможем здесь играть? Муму-гэгэ, а можно здесь пить чай? А что такое послеобеденный чай?

Видимо, не зная Яна Имина достаточно хорошо, дети облепили Дин Цзыму. Тот каждый раз откладывал работу, терпеливо объяснял, иногда приседал, чтобы вытереть испачканное лицо малыша или завязать развязавшийся шнурок. У него был на редкость спокойный характер: он ни разу не повысил голос, не прогнал детей.

Работа продвигалась медленно, но Ян Имина это не беспокоило. Он смотрел, как Дин Цзыму общается с детьми, слушал их щебет про Муму-гэгэ и любовался неизменной мягкой улыбкой на лице парня. Когда Дин Цзыму был занят детьми, Ян Имин подходил и брал его работу на себя. Передвигая шкафчики, он думал, что работа в приюте куда интереснее, чем в школе.

Когда всё было почти готово, Ян Имин, держась за поясницу, простонал от усталости:

— Всё, хватит, больше не могу, мне нужен отдых.

— Учитель Ян, вам не хватает физической нагрузки, раз вас так вымотали две коробки, — Дин Цзыму, сидя на корточках, наводил порядок.

Он аккуратно складывал бумагу, перевязывал её пластиковой веревкой, собирал пенопласт в большой пакет. Ян Имин наблюдал, как комната на глазах преобразуется: у стены выстроились низкие шкафчики, над ними висели доски для объявлений. Рабочее место Яна находилось в углу у окна, и, сидя за столом, он мог просто повернуть голову, чтобы полюбоваться видом. Дин Цзыму поставил перед его столом небольшой стеллаж, символически отгородив рабочую зону и создав для учителя небольшое личное пространство. У других окон он расставил мягкие диванчики, а на полках — необходимые мелочи.

Ян Имин подумал, что Дин Цзыму — лучший друг для человека с обсессивно-компульсивным расстройством. Глядя на то, как он наводит порядок, он чувствовал себя исцеленным. Вспомнив свое жилище, он вдруг страстно захотел когда-нибудь обманом заманить этого парня к себе домой — хотя бы на день, чтобы превратить свою берлогу в образцовое помещение.

С другой стороны, такой человек, как Дин Цзыму, должен быть рассудительным, спокойным и терпеливым. И если кто-то смог довести его до потери самообладания и яростной драки, значит, этот кто-то был весьма непрост. Наблюдая за тем, как Дин Цзыму аккуратно упаковывает мусор, Ян Имин не мог отделаться от мыслей о той сцене у парка. Он и сам не понимал, почему она так запала ему в душу.

<http://bllate.org/book/19775/1948318>